

**«Я не знаю, насколько тверды и самоотвержены миряне парижские...»:
пятнадцать писем другу
Письма прот. Г. Флоровского к прот. С. Булгакову (1925–1943)¹**

А.И. Резниченко (РГГУ)

Статья и публикация посвящены истории интеллектуального притяжения/отталкивания двух выдающихся представителей русской интеллектуальной культуры XX столетия – прот. Сергея Булгакова и прот. Георгия Флоровского. Эта история, как в зеркале, отразилась в их теоретическом творчестве (концептуальная оппозиция работ «Ипостась и ипостасность» и «Тварь и тварность»), - и в их эпистолярии. По интенсивности переписки письма Флоровского к Булгакову хронологически можно разделить на две большие группы: это письма Флоровского из Праги 1925–1926 гг., – и переписка 1938–1943 гг. Наибольшей интеллектуальной полноты этот диалог достигает в 1925–1926 гг., оказав значительное влияние на последующую русскую философскую традицию.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский, Л.П. Карсавин, спор о Софии, сущность, ипостась, ипостасность, Абсолютный Субъект, творение, тварность, софиология, диалог, биографический контекст

История интеллектуального притяжения/отталкивания двух выдающихся представителей русской интеллектуальной культуры XX столетия – прот. Сергея Булгакова и прот. Георгия Флоровского, – как в зеркале, отразилась в их теоретическом творчестве – и в их эпистолярии. Их переписка была двусторонней: так, корпус писем прот. С. Булгакова к прот. Г. Флоровскому (всего выявлено 17 за период с 1923 по 1938 гг.), хранящийся в архиве Пристонского университета, был впервые введен в научный оборот Е. Евтуховой², а в развернутой статье, предваряющей публикацию, обозначены как точки пересечения, так и линии водораздела между взглядами двух выдающихся мыслителей XX столетия.

Более десяти лет прошло со времени публикации этих писем в России, но вопросы, которые ставит Е. Евтухова в статье, предваряющей публикацию, актуальны и поныне: «За дискуссией о Софии, – пишет исследовательница, – лежит взаимопроникновение двух мирозерцаний, двух подходов к истории,

---

¹ **Опубл.:** Резниченко А.И. «Я не знаю, насколько тверды и самоотвержены миряне парижские...»: пятнадцать писем другу // Софиология и неопатристический синтез: два богословских итога философского развития. Сборник научных статей по итогам работы секции по истории русской мысли XXII Ежегодной богословской конференции ПСТГУ / Сост. К.М. Антонов, Н.А. Ваганова. М.: ПСТГУ, 2013. С. 104–116.

² Evtuhov S. The correspondence of Bulgakov and Florovsky: chronicle of friendship // Wiener Slavistischer Almanach. Band 38. München, 1996. Первое русские издание: Евтухова Е. С.Н. Булгаков. Письма к Г.В.Флоровскому (1923–1938) // Исследования по истории русской мысли [5]. Ежегодник за 2001/2002 годы. М., 2002. С. 175–223. Далее: ссылки письма прот. С.Н. Булгакова к Г.В. Флоровскому будут приведены в тексте статьи и примечаний без специальных оговорок с указанием страниц.

философии и религии, чье взаимодействие было материалом, из которого сплеталась интеллектуальная история – комбинация влияния, поглощения, отторжения и преемственности. Остается непоясненным существо вопроса: если они не были врагами по проблеме Софии, кто были они? Что, действительно, служило связью между их интеллектуальными позициями: до какой степени Флоровский использовал или наследовал допущения Булгакова?»³ Вопрос до сих пор остаётся открытым, и настоящая публикация является одним из возможных вариантов ответа на него.

Сопоставление корпуса писем прот. С.Н. Булгакова к письмам Г.В. Флоровскому с корпусом ответных писем выявляет их скрытую асимметрию⁴: если первое выявленное письмо Булгакова Флоровскому датировано апрелем 1923 г. и связано с непростой для обоих мыслителей ситуацией – отношением Булгакова к евразийскому движению и Флоровского – к Братству св. Софии, то первое выявленное письмо Флоровского к Булгакову датировано уже декабрём 1925 года. К сожалению, полностью отсутствуют (опять-таки, либо не выявлены, либо не сохранились) ответные письма Булгакова к Флоровскому за период с 1939 по 1943 годы. По интенсивности переписки письма Флоровского к Булгакову, – ответные реплики в серьёзном интеллектуальном двустороннем диалоге, – хронологически можно разделить на две большие группы: это письма Флоровского из Праги 1925–1926 гг., – и переписка 1938–1943 гг.⁵ Наибольшей интеллектуальной полноты этот диалог достигает в 1925–1926 гг., в период обоюдного движения мыслителей «от тринитарности к христологии и наоборот – путь одинаковоходим, – кто к чему более предопределен»⁶, и, наверное, именно поэтому некоторые из этих писем хотя бы как-то изучены; но и письма Флоровского Булгакову 1938–1943 гг. представляют немалый интерес. Хотя бы потому, что, по логике вещей, отношения между философами должны были и вовсе прерваться: 6 июля 1937 г. Флоровский, вместе с С. Четвериковым,

³ *Евтухова Е.* С.Н. Булгаков. Письма к Г.В.Флоровскому (1923–1938). [Вступительная статья] // С.Н. Булгаков. Письма к Г.В. Флоровскому (1923–1938). С. 177–178.

⁴ Правда, по всей видимости, асимметрия эта – вынужденная и связана с утратами текстов. Так, в письме 2 прот. С. Булгакова к Г.В. Флоровскому первый упоминает о неизвестном нам июльском письме 1924 года, либо утраченном, либо ещё ждущем своего первооткрывателя: «Благодарю Вас за письмо Ваше 29.VII. и простите, что по обыкновению опаздываю ответом. В его настроении мне слышатся старые тона, не столько углубляемые, сколько повторяющиеся» (*Булгаков – Флоровскому*. С. 197).

⁵ Хотя письма Булгакова Флоровскому с 1929 по 1938 гг. сохранились. См.: *Булгаков – Флоровскому*. С. 215–221.

⁶ *Булгаков – Флоровскому*. С. 215.

подписывает «Особое мнение [по делу прот. С. Булгакова. 1937], где отчётливо и недвусмысленно говорится:

2. <...> в своих трудах о. Булгаков не только излагает особое учение о Софии, Божественной Премудрости, но также пытается перестроить на основании своего учения всю систему православного богословия. Поступая так <...> он несомненно уклоняется от «обычного» толкования Церкви, учения Отцов и литургической традиции. <...> Правда, о. Булгаков старается установить или согласовать свое учение с доказательствами предания. Однако в его учении о Софии его ссылки на предание не кажутся удовлетворительными. <...> И в данном случае мы имеем дело не с отдельными Отцами, но с «consensus patrum», обладающем высокой степенью авторитетности в делах веры⁷.

И если в письмах Флоровского Булгакову интеллектуальное напряжение возникает как раз вокруг «спора о Софии», тогда ещё не переросшего в скандал, то письма 1938–1943 гг. – это, скорее, доброжелательный и неторопливый рассказ Флоровского своему старшему товарищу о своей жизни в Афинах, Болгарии и Сербии, о своей любви к Подворью, о своём, – несмотря на внешнюю насыщенность событиями и творчеством (не забудем, что именно в 1937 г. увидела свет одна из самых знаменитых книг Флоровского, в которой, кстати, о Булгакове, в отличие, скажем, от Н.А. Бердяева *et dii minores* Русского Зарубежья, не сказано ничего дурного), – одиночестве.

Если анализировать письма Флоровского к Булгакову в целом, то без труда можно вычленил три проблемных комплекса. Первый – это философски-богословский, и прежде всего – связанный с софийной онтологией и проблематикой; характерный прежде всего для переписки 1925–1926 гг. и обусловленный, как мы увидим ниже, контекстом восприятия «Ипостаси и ипостасности» и продумывания и написания «Глав о Троичности» Булгаковым, – и созданием Флоровским, как антитезис к тезису, своей собственной

---

⁷ Исследования по истории русской мысли [5]. Ежегодник за 2001/2002 годы. С. 224–225. Обратный перевод с англ. и републикация А.Р. Хроника «спора о Софии», а также смысл онтологических расхождений между Булгаковым и Флоровским, выразившихся, в частности, в концептуальной оппозиции работ «Ипостась и ипостасность» и «Тварь и тварность» см.: *Резниченко А.И.* О смыслах имён... С. 82–84, 87–89 170–173; история трансформации булгаковской софиологии: Там же. С. 183–189. См. также: *Ваганова Н.А.* Софиология протоиерея Сергия Булгакова.

философской системы, воплотившейся прежде всего в «Твари и тварности» и первой из трёх важнейших работ Флоровского об искуплении – «О смерти крестной»⁸, а также работ о роли и статусе св. Софии⁹. Второй комплекс – историко-контекстуальный, связанный с историей различных организаций и институций, с которыми были связаны оба корреспондента. И, наконец, третий – это личный диалог двух людей, ценящих друг друга и доверяющих друг другу. Как всегда бывает в жизни, эти комплексы переплетены, а на сцене появляются новые персонажи.

***

Как это ни парадоксально звучит для нас сейчас, одними из наиболее актуальных философских проблем в интеллектуальной среде Троице-Сергиева Подворья в 1925 г. в Париже были проблемы соотношения сущности и энергий, и ипостасей внутри Троицы. Причина интереса к такой, казалось бы, отвлечённой теме проста: именно с ними связано христианское учение о Я, о личности, о субъекте; о взаимосвязи Абсолюта и наличного бытия¹⁰. Сходный процесс интереса к проблеме Я происходит в это же время и в философии западной, причём в совершенно различных её течениях и направлениях, от феноменологии до психоанализа. Исследование «сходств и различий» концепций Я-субъекта, возникающих в русской философской традиции, и концепций «Я», развивающихся чуть раньше или чуть позже в Европе – безусловно, отдельная задача. Булгаков же, в своей первой серьёзной публикации в эмиграции, «Ипостаси и ипостасности», вызвавшей бурную полемику уже на уровне принятия текста к публикации,¹¹ пытается поставить и решить проблему соотношения между Я как Абсолютным Субъектом, и его прообразом, нашим индивидуальным «я», субъектом относительным. Эту задачу он решает путём, во-первых, применения аристотелианского, затем используемого св. Василием

---

⁸ Вторая – «In ligno Crucis» – считается утраченной (см. о ней в письме 9 от 14. 10. 1939 г. в настоящей публикации и комм. к нему), и заключительная часть трилогии – статья «Искупление», бывшая на самом деле лишь частью большого замысла, опубликована в 1976 г.

⁹ Современное переиздание её см.: *Прот. Георгий Флоровский. О почитании Софии, Премудрости Божией в Византии и на Руси // Флоровский Г.В. Вера и культура / Сост., вступ. ст. И.И. Евлампиева, примеч. И.И. Евлампиева и В.Л. Селиверстова. СПб., 2002. С. 468–470.* Это статья 1932 г., и в ней также содержатся скрытые отсылки к соответствующим главам «Ипостаси и ипостасности».

¹⁰ При всём различии западной (августинианской) и восточной (основанной на учении отцов каппадокийской школы и свт. Григория Паламы); точно также и анализ собственно русских философских я-моделей есть предмет отдельного серьёзного и вдумчивого исследования.

¹¹ См. об этом: *Булгаков С.Н. Труды о Троичности. М., 2001. С. 49.*

Великим, различием между «первой» и «второй» сущностями для описания взаимоотношения между Сущностью и Ипостасями; во-вторых, путём паламитского различения между Сущностью и энергиями, и, наконец, в третьих, путём введения совершенно особой категории – категории «ипостасности», которой, кстати, совершенно не пользуется впоследствии:

Сделанное различие Бога в Себе (трансцендентного) и в Откровении не является новым, ибо оно сделано было еще в XIV в. в Византии в результате т.н. паламитских споров, когда было установлено различие между *существом*¹² Божиим, *ουσια*, твари неведомым, и *действием* Божиим, *ενεργεια*, причем для твари энергия Божия и есть открывающееся Божество, *ενεργεια Θεος εστιν* (хотя и не *οθεος*). (Противники же Паламы обвиняли его в том, что учениям об энергиях вводится многобожие). По существу это же различие, только в другом освещении, выражается в той мысли, что Премудрость Божия, София, есть Откровение трансцендентального существа Божия. И как по учению св. Григория Паламы энергии Божественные не приурочены лишь к одной из божественных Ипостасей, но открывают и всю св. Троицу, так и каждую из ипостасей в соответствии ее вечных свойств¹³, также и София, как Слава Божия, соответствует не одной лишь Второй Ипостаси, как ее личное свойство, но находится в обладании всей св. Троицы и, следовательно, каждой из ипостасей. <...> София, Слава Божия, имеет ли свою особую «ипостась»? Есть ли она особая ипостась в св. Троице, именно «четвертая ипостась»? Очевидно, самый этот вопрос нелеп и невозможен: никакой четвертой ипостаси, равночестной и единосущной пресв. Троице, нет и быть не может. <...> Но это отрицание ипостаси в Софии не означает отвержения в ней *ипостасности* и низведения Софии к аллегории или атрибуту Божества, «свойству», а не живой сущности. Вводимое здесь понятие *ипостасность* одинаково отличается и от *ипостаси* и от *безыпостасности*, свойственной всему несуществующему в себе, т.е. мертвому или отвлеченному. Итак, в области

---

¹² Здесь и далее в цитате – курсив прот. С. Булгакова

¹³ S. Gregorii Palamae. Capita phys. theol. etc. Migne patrol., ser. gr., tom. C. col. 1144-<114>5 (сноска прот. С. Булгакова).

духа, наряду с ипостасию и природой его, определяется еще одно возможное состояние – ипостасность. Это есть способность *ипостазировать*, принадлежать ипостаси, быть ее раскрытием, отдаваться ей. Это – особое ипостасное состояние не через свою, но через иную ипостась, ипостазировать через самоотдание. Это – сила любви¹⁴.

По-видимому, именно это место из «Ипостаси и ипостасности» пытается анализировать и, – пока только отчасти, оспаривать Флоровский во второй, «метафизической» части письма № 4 публикуемой ниже переписки (от 22 июля 1926 г.), в первой части отчаянно выторговывая более выгодные условия своего будущего парижского быта¹⁵, как то: размер «содержания», т.е. зарплаты; ускорение процедуры получения французской визы; вопрос о квартире, который «представляет для нас исключительную важность» и тому подобные «мелочи архиерейской жизни». Итак, определив все свои практические условия, Флоровский пишет, фактически продолжая мысль Булгакова:

Как уже давно я говорил, есть уже два учения о Софии и даже – две Софии, точнее сказать, два образа Софии: истинный и реальный и – мнимый <...>. Та, что Вы находите у Афанасия, относится к другой Софии. И еще больше о Ней можно найти у Вас<илия> Великого и Григория Нисского, от которых прямой путь к Паламе. И самая терминология: οὐσία – τῆς εὐρυείας – ведет свое начало от Василия Великого. Я не вижу трудностей в этой терминологии. Аристотель тут не при чем. Основная мысль каппадок<ийского> богословия сводится к отчетливому различению внуртибожественной Плеромы, тройственной полноты вседозвольной жизни, и это и есть οὐσία, – μέλαρος ἰης οὐσίας у Дамаскина, – и: «во-вне» направляемой Милости, Благодати, Любви, Деятельности, – Ἐυρυείας. Весь вопрос (спекулятивно очень трудный) – в этом различении. В чув<ственном> смысле, это есть раскрытие самой идеи творения, как божественного

---

¹⁴ Булгаков С.Н. Ипостась и ипостасность // Булгаков С.Н. Труды о Троичности. С. 24–25, 28. Курсив прот. С. Булгакова.

¹⁵ Напомню, что это «торговлю» ведёт недавно защитившийся магистрант (защита магистерской диссертации Флоровского, ныне считающейся утраченной, состоялась 3 июня 1923 г.), а его «оппонентом» является профессор (первое упоминание С.Н. Булгакова в адрес-календарях как профессора относится к 1903 г.).

замысла-изволения о другом, о не-Боге. Οὐσία – по В<асилию> Вел<икому> и по Паламе – непостижимая и недоведомая, она – «в свете неприступном». Но «тот же Бог» (выражение Паламы) творится, т.е. полагает другое, и постольку открывается вовне. Это и есть «Энергия», «Слава», «София», – НЕ-ипостасное откровение «того же» Бога. Не «существо», не «личность», не «ипостась». Если угодно, да, – Божеств<енная> акциденция, но акциденция «того же» Бога или самого Бога. И к этому именно сводится мысль Паламы, – ударение на полноте и однозначности της Θεότητος. Если хотите, София это Deus revelatus, т.е. Благодать¹⁶.

И, после этой почти апологетической дискурсии Флоровский уже прямо предлагает свою собственную версию Софии, из которой затем разовьётся онтология «Твари и тварности» и, в частности, идея «трансцендентной энтелехии»:

София не есть тварный субъект, не есть субстанция или субстрат тварного становления. Это – gratia, а не natura. А natura=creatura. София – не creatura. И вместе с тем не ипостась, а тристязательная слава <...> только из истории, из историч<еской> эмпирии, мы в состоянии понять тварность твари и вечность мысли – воли о твари. При обратном ходе тварь обожествляется, и этот процесс получает не благодатный, а «натуральн<ый>» порядок. Gratia не расчленяется от natura, понимается как natura naturans. Тогда уж и вовсе нет «натуры», зато и благодать уже не благодать. – Все это, кажется, надо рассказать лучше¹⁷.

По всей видимости, из этого «все это, кажется, надо рассказать лучше» и разовьётся впоследствии различие между онтологическими моделями

---

¹⁶ Подчёркивания Флоровского.

¹⁷ Подчёркивания Флоровского. Ср.: «Божественная идея <...> остается всегда вне тварного мира, трансцендентна ему. Мир творится по идее, согласно прообразу, – есть его осуществление, но не этот прообраз есть субъект становления. Прообраз есть норма и задание, положенные в Боге. А задание обращено к другому, вне Бога <...>. Вечность прообраза <...> совмещается с временной начальностью и становлением носителей предвечных определений» (Флоровский Г.В. Тварь и тварность // Православная мысль. Труды Православного богословского института в Париже. Вып.1. Париж, 1928. С. 193. Курсив Флоровского).

Булгакова и Флоровского, – тем более, что слушатель был вполне достоин рассказчика¹⁸. Однако оба участника диалога, и особенно Булгаков, предполагали возможность ещё одной онтологической модели, модели личности – и модели взаимоотношения между тварью и Творцом. В непосредственном ответе на письмо Флоровского, цитированном выше, есть такой абзац: «Всетаки думаю, что Ваше софиеборство ведет Вас к таким сомнительным идеям как “акцидентальность” энергий и к (скрытому) рассечению Св. Троицы (“Слава” же это и есть София, весь В<етхий> З<авет> говорит об этом!), когда Вы разлагаете отношение тварного сознания к Богу как к ипостаси Христовой и ипостаси Духа, а при этом неизбежно проводите или к “философии всеединства”, <или> к монизму Карсавинского типа»¹⁹. После преодоления Булгаковым «соловьёвского соблазна», в ситуации, когда сам термин «философия всеединства» стал ставиться в кавычки, не фигура и личность, как сообщают нам мемуаристы²⁰, а карсавинская концепция «моно-дуализма», со всеми её внутренними логическими противоречиями и философской непроговорённостью, которую признавал и сам Карсавин, стала препятствием для петербургского философа к тому, чтобы быть включённым в научную корпорацию «мирян и богословов парижских».

Назначение Флоровского на патрологическую кафедру было предметом серьёзных дискуссий среди профессорско-преподавательского состава Свято-Сергиевского института. По мнению биографа и апологета Флоровского, Эндрю Блейна, «Флоровский стал сотрудником института на втором году его существования. Он взялся за преподавание патристики, которой интересовался, ещё будучи в Одессе, но к серьёзному ее изучению приступил, лишь к 1924 году в

---

¹⁸ Ср.: «И вот проблема сущности и энергий есть всетаки проблема Софии, как *Deus ad extra*. Это есть самое центральное, обобщающее понятие всего богословия. Сейчас этого странным образом никто почти не понимает, но меня это даже не беспокоит, – так есть и когда-то будет понятно. Не думайте обо мне, что я фанатик Софии. Я о ней теперь почти не говорю прямо» (*Булгаков – Флоровскому*. С. 207).

¹⁹ *Булгаков – Флоровскому*. С. 211–212.

²⁰ «Когда летом 1925 года в Париж переселился о. С. Булгаков, у меня было уже письмо Л.П. Карсавина с предложением – стать у нас патрологом. Я с наивной готовностью изложил это нашему декану и был им окачен ушатом холодной отрезвляющей воды. Я оказался круглым невеждой в том, что всей профессорской Праге было известно. Да и сам Карсавин нашел нужным увековечить своё бурное переживание в целой книге: *De profundis* [имеется в виду работа Карсавина 1922 года «*Noctes Petropolitanae*». – *А.Р.*]. Л. Пл-ч ничуть не скрывал в университетской среде своего увлечения одной из первых женщин, вошедших в состав университетской корпорации. Что и как было потом, я ровно ничего не знаю. Только высылка из России на Запад, куда Л.П. Карсавин прибыл со своей семьёй, по-видимому была спасительным освобождением от временно охватившего его кошмара» (*Карташев А.В.* Л.П. Карсавин // *Карсавин Л.П.* Малые сочинения. М., 1994. С. 475–476).

Праге. Выбор дисциплины, по его словам, был predetermined о. Сергием Булгаковым, который однажды не мудрствуя лукаво поставил перед ним вопрос: “Почему бы вам не взяться за патристику – по этому предмету у нас никого нет?”²¹. Однако именно ради получения патрологической кафедры в Свято-Сергиевом институте Карсавин, уже обладавший к тому моменту как несомненным научным авторитетом и необходимой для занятия кафедры научной степенью профессора (напомню, что к тому моменту Г.В. Флоровский был лишь магистром), так и – всё-таки, – крайне неуживчивым личным характером²², спешно написал для издательства YMCA-Press монографию именно по патрологии²³. Однако желаемой кафедры по патрологии Л.П. Карсавин так и не получил; от предложенного ему курса по истории европейской (эллинистической, средневековой и эпохи Возрождения) философии отказался; а 12 ноября 1926 г. окончательно разорвал отношения с институтом²⁴. По свидетельству самого Флоровского, «...Я видел Карсавина три раза в жизни, и два только раза лицом к лицу, но у меня всегда было непреодолимое желание “вывернуть его на лицо” и заставить быть “самим собою”»²⁵.

Однако эта история идей и людей не имела бы такой ценности, если бы не поздняя софиология самого Карсавина. Он не стал всемирно признанным православным богословом, как Флоровский; не стал и, как считают некоторые, православным еретиком, как Булгаков. Будучи обыкновенным политическим

---

²¹ *Блейн Э.* Жизнеописание о. Георгия // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1995. С.42.

²² «В Дух<овную> Акад<емию> не верю, тк. кк. тамошние персоны ориентированы прежде всего на крещёного жида (т.е. на Франка, которого, впрочем, ценю, хотя и не преувеличенно). И общее отношение всех их ко мне вызывает у меня чувство тошнотворное» (Это письмо Л.П. Карсавина к П.П. Сувчинскому от 29 мая 1926 г. Цит. по: *Клементьев А.К.* Возвращение к работе историка (приглашение Л.П. Карсавина в Литовский университет в Каунасе, 1927–1928 гг. // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 355. Я выражаю искреннюю признательность М.А. Колерову за указание на эту статью). Ср. отзыв «крещёного жида» Франка, относящийся примерно к тому же времени, о Карсавине: «...Если Карсавину внушить, что он должен по возможности воздерживаться от безответственных богословских мудрований и излагать учение Отцов, и если оказать ему доверие привлечением его в лекторы, то я уверен, это подействует на него. Он очень чувствителен к обидам, и, наоборот, к доверию и доброму отношению. Привлечением его Академия сделает сразу два добрых дела: приобретет выдающуюся и первоклассную научную силу и окажет благотворное моральное влияние на самого Карсавина» (Письмо Франка к Булгакову от 27 июля 1926 года // Архив проф. прот. С.Н. Булгакова в Православном богословском институте св. Преп. Сергия Радонежского (Париж) (далее – АСБ ССПБИ). Кор. XIII. Папка 69. Ед. хр. 18).

²³ *Карсавин Л.П.* Св. Отцы и учителя церкви: (Раскрытие православия в их творениях). Париж, 1926 (переизд.: М., 1994).

²⁴ См. об этом: *Клементьев А.К.* Возвращение к работе историка... С. 355–356, 361.

²⁵ *Янцен В.* Другая философия: переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926–1932, 1948–1973) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008–2009 год [9] / Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2012. С. 710. Это письмо прот. Георгия Флоровского к Д.И. Чижевскому от 18 октября 1965 г.

заклѹченнѹм, умирающѹм в Абези от туберкулеза, Карсавин был вынужден в предельно ясной и лаконичной форме (к тому же в очень короткий срок) сформулировать особенности своей собственной философской системы. Разумеется, она отличается и от онтологической модели Булгакова середины 1920-х гг., и от модели Флоровского – того же периода. Но сам язык карсавинской софиологии возвращает нас к дискуссиям тех лет, воплотившихся, в частности, и в переписке между Булгаковым и Флоровским:

София, Премудрость Божия (евр. Хокма) – прежде всего наименование Логоса, по смыслу близкое наименованию Его Умным Миром. Но Логос воплотился: чрез Смерть-Воскресение всегда будучи Богом, стал и творимым миром – Человеком. Поэтому именем Софии можно назвать – и называют – *тварность* [курсив мой. – А.Р. здесь и далее: курсивами отмечены терминологические совпадения карсавинского текста с позициями Булгакова и Флоровского], тело Богочеловека, человечество, высшею индивидуациею которой является *Богоматерь, Дева Мария, сливающаяся, как свидетельствует культ, с Софиею* [курсив мой. – А.Р.]. София – совершенное человечество (и в нём мир), или Церковь, которую ап. Павел²⁶ называет телом Христовым. В этом аспекте Софии напрашивается отождествление её с Адамом Кадмоном. Однако София – тварность и потому вечная Женственность, апокалиптическая «жена, облеченная в солнце», и Приснодева, Мать и вместе с тем невеста Логоса, тогда как в Адаме Кадмоне тварное сливается с Божественным. <...> София же совершенное человечество, которое вполне приняло Бога и стало Личностью, Божественной Ипостасью, а потому существует как бы миг мгновенный, чтобы жертвенной своею Смертью воскресить умершего ради неё Бога. София – потенциальная личность, так как

---

²⁶ Выделено Л.П. Карсавиным.

тварной личности нет, или «ипостасность», но, разумеется, не ипостасность Пресв. Троицы, что делало бы Троицу Четверицей²⁷.

Для Карсавина, как и для Флоровского и Булгакова середины 1920-х гг. проблема соотношения между Бытием Абсолютным и бытием тварным, между Творцом и тварью, решается с помощью концепта (или мифологемы) Софии (приведенный выше фрагмент содержит непосредственную дискуссию с «Ипостасью и ипостасностью», при прямом заимствовании самого термина «ипостасность»). Не свободна от такого решения и система Карсавина. Учитывая предыдущие полемики, их опыт, их язык, Карсавин пытается снять противоречия этих систем, но вместо этого создаёт всё новые, осуществляя, как и Булгаков и Флоровский, «вечное возвращение» к истокам философии.

***

Да и собственно в самой переписке между Булгаковым и Флоровским мы не находим интеллектуального противостояния. Скорее, Булгаков предостерегает Флоровского от фактического инструментального использования русской религиозной метафизики для достижения своих личных целей. Богословие Флоровского, особенно в начале его становления, чрезвычайно зависимо от булгаковской онтологической модели – как от модели, от которой он отгалкивается для построения собственной. Фраза «Платон мне друг, но истина дороже» – прекрасно применима и к взаимоотношениям Булгакова и Флоровского в середине 1920-х гг.; однако вторая, неизвестная доселе часть переписки прекрасно демонстрирует то, что «Платон мне друг». Сейчас, более восьмидесяти пяти лет спустя, нам сложно представить, «насколько тверды и самоотверженны миряне парижские» были в то время. Однако то, что парижские философы и богословы были тверды и самоотверженны в честности собственной мысли, в мужестве философского диалога, кажется, не подлежит сомнению.

***

Как уже отмечалось выше, некоторые из публикуемых писем, особенно из первой части переписки, были уже введены ранее в научный оборот. Это письма

---

²⁷ Карсавин Л.П. Комментарии к сонетам и терциям. София. IV.55 // Ванеев А.А. Два года в Абези. Брюссель, 1990. С. 326–327. Текст «Комментариев» – конца 1951 г. Как видим, кто занял какую кафедру и какие дисциплины будет читать – становится уже абсолютно неважным.

первое²⁸, второе²⁹ и четвертое³⁰; для настоящей публикации они были выверены по автографам, хранящимся в АСБ ССПБИ. Эти письма практически не были никак откомментированы. Недавняя публикация писем в Вестнике РСХД, несмотря на всю свою научную ценность, также не является полной. Настоящая публикация, выполненная независимо, в рамках самостоятельного исследовательского проекта, надеемся, будет служить важным дополнением к ней. Разночтения между опубликованными версиями писем и настоящей публикацией мы не отмечаем специально, чтобы не увеличивать объем комментария. Корпус писем Г.В. Флоровского к С.Н. Булгакову составляют одну единицу хранения: Кор. XIII. Папка 69. Ед. хр. 13. При настоящей публикации учтены особенности правописания Г.В. Флоровского: характерное написание отдельных терминов, напр. *официальный*; слитное, отдельное или через дефис написание частиц; выделение/невыделение запятыми вводных слов и выражений. Авторские подчеркивания сохранены, учтены стилистика и особенности пунктуации. Угловыми скобками <> обозначены границы необходимых по смыслу публикаторских вставок. Единичные случаи непрочитанных слов помечены стандартным словом <нрзб.>, также заключенным в угловые скобки; слово, разобранное лишь предположительно, помечено знаком вопроса <?>.

Подстрочные примечания, несмотря на их предварительный характер, ибо работа над ними ещё далеко не завершена, а восстановить всю полноту контекста взаимоотношений между прот. С.Н. Булгаковым и прот. Г.В. Флоровским возможно лишь при полной публикации их двусторонней переписки, носят троякий характер. В текстологических примечаниях, – это преимущественно маргиналии самого Г.В. Флоровского, – сохранены авторские вычёркивания, замены слов, а слова, вписанные поверх строки, заключены в квадратные скобки []. Второй моей задачей была стандартная – уточнение ссылок, перевод иноязычных слов и выражений, краткая характеристика упоминаемых в тексте

---

²⁸ Козырев А.П. Прот. Сергей Булгаков. О Вл. Соловьёве // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник–1999 [3] / Под ред. М.А.Колерова. М., 1999. С. 205–207; процитировано с сокращениями: Козырев А.П. Соловьёв и гностики. М., 2007. С. 391.

²⁹ Козырев А.П. Прот. Сергей Булгаков. О Вл. Соловьёве. С. 207–211; процитировано с сокращениями: Козырев А.П. Соловьёв и гностики. С. 391–392.

³⁰ Письма Г. Флоровского С. Булгакову и С. Тышкевичу // Символ. 1993. № 29. С. 202–207. Эта публикация была осуществлена А.М. Пентковским по ксерокопии, предоставленной о. Алексием Князевым.

лиц; при этом биографические сведения о таких персоналиях, как Тертуллиан, В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский и под., библиографические ссылки на такие классические тексты, как Migne, «Точное изложение православной веры» преп. Иоанна Дамаскина и под. специально не оговаривались – из уважения к читателю. И, наконец, третьей темой примечаний стала реконструкция контекста «вре́мён и мест» обоих участников переписки, возможная путём использования современных ей писем и мемуаров, авторами которых были и восторженных апологеты обоих мыслителей, и равнодушные зрители эпохи.

***

Пользуясь случаем, я выражаю благодарность всем тем, кто «делом, словом или помышлением» способствовал появлению на свет этой публикации: протопресвитеру о. Борису Бобринскому, первому представителю Православного Богословского института св. преп. Сергия Радонежского в Париже, давшему мне доступ к документам булгаковской коллекции Подворья, прот. Николаю Озолину и нынешнему ректору Института, без чьего благословения эта публикация в принципе не могла бы состояться; бывшим и нынешним сотрудникам библиотеки Подворья Светлане Николаевне Ершовой и Эмили Паневой, оказавшим мне неоценимую помощь в подборе и копировании документов; Татьяне Викторовой, составившей полный и качественный каталог АСБ ССПБИ; Александру Медведеву (Тюмень); наконец, редактору настоящего сборника К.М. Антонову – за доброжелательное участие и долготерпение.

«I do not know, so far as steadfast and selfless Parisian laymen ...»: fifteen letters to the friend. The Letters fr. Florovsky to fr. S. Bulgakov (1925–1943)

A.I. Reznichenko

The article and the publication are dedicated to histories of the intellectual attraction / repulsion two outstanding representatives of the russian intellectual culture of XX centuries - S.N. Bulgakov and G.V. Florovsky. This history, as into a mirror, was reflected in their theoretical creative activity (the conceptual opposition of the work «The hypostasis and the hypostasisness» and «The creature and the creatureness»), - and in their letters. The letters Florovsky to Bulgakov possible to divide into two greater groups: this letters Florovsky out of Prague (1925-1926), - and letters between 1938-1943. This dialogue reaches most intellectual fullness in) 1925-1926 years, having rendered significant influence upon following russian philosophical tradition.

Key words: S.N. Bulgakov, G.V. Florovsky, L.P. Karsavin, the discussion about Sophia, an essence, a hypostasis, a hypostasisness, The Absolute Subject, a creature, a creatureness, a sophiology, a dialog, a biographical context